

Анастасия ВОЛОЧКОВА: МНЕ ТАК ЧАСТО И ЖЕСТОКО ЗАВИДОВАЛИ...

Завтра, 25 апреля, Анастасия Волочкова предстанет перед своими поклонниками в ГЦКЗ «Россия». Накануне наш корреспондент взял интервью у самой красивой российской балерины

Виктория ГАНЧИКОВА

— Ваше любимое балетное па — фуэте, па-де-ша или что-то третье?

— Зритель не должен разбираться в позициях балета, в движениях или их названиях. Он должен ценить Красоту и Музыку, а это в душе каждого человека.

— Когда на премьере «Лебединого» вы испытали настоящее воспарение — в Одетте или Одиллии?

— Во второй части в па-де-де Одиллии, где идет браваурная часть, фуэте.

— Черный лебедь Одиллия — демонический образ?

— Совсем нет. Особенно в последней редакции Григоровича, где нет реальности — только внутренние образы. По-моему, Одиллия — не злая коварная женщина. Она обольстила Принца красотой и не могла не обольстить. Это возвышенная мечта, которой невозможно достичь, потому что принц и гибнет. Для меня это трагический спектакль, потому что за красоту в нашем мире уничтожают. На фоне света все безобразное становится еще безобразней.

— Что для вас идеал красоты, перед какой картиной, скажем, в Лондонской национальной галерее, где вы часто бываете, вы остановились, как вкопанная?

— Перед лошадьми французского художника Жерико — ничего прекрасней не видела: сколько движения, огня, жизни! Красоту нельзя объяснить, но есть критерий очень точный: трогает или оставляет холодным. Если искусство трогает, значит, настоящее. Ахматова написала: «Уж сколько их упало в эту бездну...» — у меня холодеет внутри от совершенной красоты этих строк.

— Звучание какого инструмента в оркестре совпадает с вашим настроением на сцене?

— Очень многие мои соло сопровождают звуки скрипки. Но я могу унести и при звучании рояля. Когда мы встретились с Игорем Крутым и он сыграл мне то, что написал специально для меня, я испытала именно такое состояние. Очень надеюсь поставить номер, который мы задумали.

— Балерины предпочитают белый, черный, красный цвет...

— Я, определенно, — зеленый, под цвет глаз.

— Роли, о которых вы мечтаете?

— Джульетта, но только в Лондонском королевском балете, в постановках Мак Миллана. В «Каменном цветке» Прокофьева хотела бы сделать Хозяйку медной горы, разумеется, в костюмах, переливающихся всеми оттенками изумрудной зелени.

— В Европе балерины обязаны уходить со сцены в сорок лет. Это жестоко?

— Нет, справедливо. Балет — дело молодых. Моя карьера будет короткой и окончится, когда я еще останусь молодой.

— Вы будете красивой до семидесяти. Но неужели однажды вы отдадите себе отчет, что пришли балерины моложе и красивей вас и не позавидуете?

— Мне в моей жизни так часто и жестоко завидовали, я так страдала, что сама постараюсь не причинить такой боли.

— Уланова и Плисецкая для вас далекая забытая эпоха?

— Совсем нет, как и моя учительница — выдающаяся балерина Дудинская. Плисецкая — личность огромного масштаба. Все, что она делает и поныне, необыкновенно интересно. Об Улановой невозможно говорить без восхищения, потому что она более чем танцовщица — она гениальная актриса.

— А вы — актриса?

— Я хочу, я стараюсь расти.

— Сколько вам нужно тренироваться каждый день?

— Пять-шесть часов обязательно.

— Юрий Николаевич Григорович не консерватор?

— Он как был, так и остается новатором. Он величайший художник. У него всегда масса новых идей. Я всегда была ему предана и не скрывала этого, может быть, поэтому у меня возникли такие проблемы с Большим театром и в прошлом году меня известили, что контракт мой не будет продлен.

— Вы открыто критиковали предыдущее руководство?

— Просто я говорила, что в Большом творится беда — снимаются гениальные балеты Григоровича, а вместо них в угоду чьим-то амбициям ставят... не хочу комментировать. Власть и деньги — вещи преходящие, а творчество и профессионализм доказываются только искусством. Юрий Николаевич как раз тот человек, который говорил на сцене, а не сидя за столом. Он не допускал посредственности в театре.

— Он не наказывает теперь тех, кто его когда-то «сдал»?

— Посмотрите на него! Он не способен на неблагоприятные поступки. Он считает, что сейчас для него в Большом театре места нет.

— А может быть, он просто занят за рубежом?

— В Большом сейчас личность такого размаха не нужна. За рубежом он востребован. Сейчас он в Праге. Я вот осталась одна, потому что мой репетитор Наталья Игоревна Бессмертнова уехала с ним... Благодаря Григоровичу я сейчас получила контракт в Большом театре.

— Контракт — это деньги, квартира, автомобиль?

— Квартиры у меня нет, меня приютил отель (где мы разговариваем накануне Настинного концерта в столице. — В. Г.).

— Кто ваш менеджер?

— Мама. Она заведует всеми делами и решает все проблемы.

— У многих балерин делами занимается муж...

— Я бы предпочла, чтобы личная жизнь была только личной, а не модификацией деловых отношений.

В. Г. Моск. Ва. - Соол - 24 апр. - с. 6